

Мечевая формация хлынула, словно ливень с неба. Ци мечей переплеталась во всех направлениях, убийственное намерение вспыхнуло мгновенно, заставляя людей испытывать страх.

— Даосский друг, что вы делаете? Давайте спокойно поговорим!

Чу Синлань уже собирался увернуться в сторону, когда по траектории ци понял: мечи летят вовсе не в него. Один за другим, словно оснащённые системой наведения, они устремлялись к Мин Сиюэ.

Мечевая формация собиралась убить именно Мин Сиюэ!

Какую же ненависть надо было накопить, чтобы при первой встрече сразу вручать человеку «подарочный набор на перерождение»? Без настоящей силы тут действительно можно было бы сразу начать следующую жизнь.

Сан Цзинъюань бил Мин Сиюэ без всякой жалости.

Чу Синлань повернулся к нему.

— Сиюэ, это за тобой. Что ты такого натворил, что едва вернулся в Тяньянь — и соученик уже хочет тебя убить? Хотя, если подумать, речь о тебе... тогда совсем не удивительно.

Чу Синлань и Мин Сиюэ оба постоянно влезали в неприятности. Почти каждый раз, когда они встречались, кого-то из них преследовали. Иногда они дрались плечом к плечу, иногда с удовольствием подставляли друг друга.

Мин Сиюэ прожил в Тяньяне немало лет. Как он умудрился нажить себе такую репутацию даже здесь?

— Мы с тобой друг друга стоим. Вот что значит супружеское сходство.

Чу Синлань только теперь вспомнил, что в секте Линсяо сам жил примерно так же. Их обоих недолюбливали, так что они были два сапога пара и не имели права насмехаться друг над другом.

В каком-то смысле они действительно сошлись потому, что были одного поля ягоды.

Мин Сиюэ даже бровью не повёл, лениво бросив:

— Может, он, культиватор Пути Бесчувствия, просто завидует, что у меня есть дао-партнёр.

Путь Бесчувствия сейчас считался одним из самых трудных путей. Кто-то нарушал его принципы, кто-то в процессе скатывался в демонический путь.

Никто не заставлял Сан Цзинъюаня выбирать Путь Бесчувствия. Неизвестно, что его так травмировало, что он упрямо пошёл именно по нему, и ведь действительно чего-то добился.

Сан Цзинъюань услышал их шёпот и похолодел ещё сильнее.

— Дядя-наставник Мин! Вы совершили такое и ещё смеее возвращаться?! Обнажайте меч!

Мин Сиюэ не стал доставать свой меч. Его клинок редко покидал ножны: стоило ему выйти — и обязательно начиналась кровавая буря.

Не тратя слов, Мин Сиюэ перевернул запястье. Зонт с пейзажем на куполе принял смертельный удар. Меч будто втянуло в нарисованные на зонте горы и воды: вся ци рассеялась, а клинок упал на землю.

Мин Сиюэ поднял меч и с улыбкой вернул владельцу, выглядя чрезвычайно непринуждённо.

— Эй-эй, племянник по школе. Я так редко возвращаюсь в Тяньянь, а ты сразу обнажаешь меч. Сердце твоего дяди-наставника ужасно страдает.

Он ничуть не сердился и всё так же улыбался своей раздражающей улыбкой. Реакция Сан Цзинъюаня на попытку его убить явно не стала для него неожиданностью.

Сан Цзинъюань сложил печать и снова направил мечевой приём на Мин Сиюэ.

— Разумеется, очищаю школу и исправляю её нравы. Даже если вы мой старший по поколению, я не могу смотреть сквозь пальцы на то, что вы силой похитили человека и сделали из него печь-треножник.

Мин Сиюэ тоже считался человеком Тяньяня. Он редко показывался как ученик этой секты, но её правила распространялись и на него.

Подобные порочные поступки Сан Цзинъюань всегда презирал. Даже если Мин Сиюэ — сын главы секты, он всё равно решил вмешаться.

— Какая ещё печь-треножник?! Кто распускает обо мне такие слухи?!

Чу Синлань, который до этого с удовольствием наблюдал за их дуэлью, первым не выдержал. Он взвыл от ярости и заскрежетал зубами, мечтая найти автора слухов и избить до смерти.

— Только узнаю, кто это сказал, — рот порву!

Пока он лечился, к нему и так прилетало достаточно слухов. Лучше бы он действительно сгнил на кладбище безымянных могил.

Он знал, что после той сцены в Долине Царя Лекарств сплетни обязательно разлетятся повсюду, но чтобы настолько нелепо — даже он не ожидал.

Какая ещё насильственная любовь, какая к чёрту печь-треножник? Это уже звучит как слишком откровенная порнографическая история.

Это вообще ещё нормальная культивация?

Теперь понятно, почему бывший наставник Чжуан Хэ, когда приходил к нему, выглядел так странно: мямлил, говорил бессвязно, словно вот-вот впадёт в отклонение ци.

Репутация Чу Синлани как стопроцентного натурала окончательно погибла.

Хотя, если честно, она и раньше была мертва.

— Маленький зануда, не слушай всякую чушь снаружи, — Мин Сиюэ вздохнул, убрал зонт. В его фениксовых глазах мелькнула улыбка, чёрные волосы развевались, подчёркивая яркую красоту. — Моей порядочности ты разве не доверяешь? Если бы я и правда сделал такое, отец давно бы забил меня насмерть. Люди невежественны, верят слухам и легко дают себя обмануть. Думай своей головой.

Этот племянник по школе, почти ровесник Мин Сиюэ, по характеру был безупречен, но слишком прямолинеен: что услышал — тому и верит.

Будь Мин Сиюэ таким человеком, его давно бы изгнали. Зачем ждать до сегодняшнего дня?

— У тебя вообще есть такая вещь, как порядочность? — Сан Цзинъюань даже не подумал доверять его характеру. — Я раньше слышал, как ты называл Чу Синлани своим соперником в любви. Сколько вообще правды бывает в твоих словах?

У Мин Сиюэ такой вещи, как репутация, попросту не существовало.

— Дядя-наставник Мин, обнажайте меч! Позвольте мне испытать ваше искусство меча.

— Мой путь всегда запрещал мне без причины убивать живых существ. Племянник по школе, не ставь дядю-наставника в трудное положение.

Двое снова сошлись в бою.

Когда бессмертные дерутся — смертные смотрят представление.

Вокруг троих сразу образовалось пустое пространство, а толпа отступила в сторону и с огромным интересом наблюдала.

— Синлань, объясни ему скорее. Иначе меня действительно очистят из школы! Я невиновен, невиннее некуда! — на Мин Сиюэ не было ни царапины, он держался совершенно непринуждённо, но продолжал кричать, будто его вот-вот забьют до смерти. Ему уже надоело возиться с Сан Цзиньюанем. — Если так пойдёт дальше, весь мир культивации скоро узнает слух, будто мы с племянником Саном дерёмся из-за тебя.

Репутация Мин Сиюэ и так была сомнительной. Слухи о них двоих через какое-то время могли бы утихнуть — время стирает всё.

Если два человека официально называют себя дао-партнёрами, проявления нежности между ними — не сплетня, а демонстрация любви.

Но стоило добавить к истории Сан Цзиньюаня — знаменитого и уважаемого культиватора Пути Бесчувствия, — и это было как плеснуть масла в огонь. Сплетня только разгорится сильнее.

Людям нужны самые сочные истории. Чем запутаннее отношения между героями — тем интереснее.

Они обожали раздувать пламя.

«Путь Бесчувствия Сан Цзиньюаня, возможно, разрушен из-за Чу Синлани; прежний гений секты рискует стать демоном из-за любви».

«Два великих гения мира культивации — Мин Сиюэ и Сан Цзиньюань — устроили битву из-за изгнанника секты Линсяо!»

«Чу Синлань — первая красавица мира культивации; два гения безумствуют ради любви!»

«Шок! Внутренняя резня в секте Тяньянь и отклонение ци — всё из-за него!»

У Чу Синлани уже начинала болеть голова от одного представления. Он не хотел, чтобы дело разрослось, и поспешно вмешался, заблокировав мечевой приём. На людях пришлось до конца играть роль дао-партнёра.

— Мы действительно искренне любим друг друга. Всё остальное — слухи. Даосский друг, прошу пощадить его.

Нет, надо будет заставить Мин Сиюэ написать официальное опровержение. Иначе так можно сойти с ума.

Сан Цзинъюаню всё ещё казалось, что они совершенно не похожи на настоящих дао-партнёров. Какая пара живёт друг с другом как лучшие приятели и время от времени ещё и подставляет друг друга?

Но затем он заметил жетон на поясе Чу Синланя и наконец наполовину поверил. Меч вернулся в ножны, Сан Цзинъюань ещё раз внимательно осмотрел обоих.

— Жетон дао-партнёра? Ты даже это ему отдал. Дядя-наставник, выходит, ваши чувства действительно глубоки? Тогда прошу обоих следовать за мной.

Как ученик той же секты, Сан Цзинъюань прекрасно понимал значение этого жетона. Если это не истинная любовь, такую вещь не передают.

Будучи человеком Тяньняня, он сразу понял намерение Мин Сиюэ и начал про себя гадать: неужели эти двое всё-таки действительно любят друг друга?

Через формацию переноса они мгновенно вошли во внутреннюю часть секты, скрытую за формацией.

Многие собственными глазами увидели всё произошедшее и решили: раз Сан Цзинъюань лично привёл Чу Синланя внутрь, значит, в нём определённо есть что-то выдающееся.

— Неужели секта Линсяо ошиблась? Чу Синлань на самом деле гений?

После дальнейшего распространения история превратилась в слух о том, что Чу Синлань — непревзойдённый гений.

<http://bllate.org/book/20989/2161508>